

Юрий БОРОДКИН

г. Ярославль

ВАСИЛИЙ ТЁМНЫЙ И КНЯЗЬ ГАЛИЦКИЙ

ДМИТРИЙ ШЕМЯКА,
ЕГО СЫН ИВАН
И ВНУК ВАСИЛИЙ

1

Мы остановились на том, что великий князь московский попал в плен к Махмету, хану казанскому. Узнав о пленении своего князя, Москва пребывала в горестном унынии, в ожидании разорительного прихода татар. Дело усугубилось большим пожаром, в котором погибло около трёх тысяч человек. Выгорел весь город, началась паника, тем более что великие княгини Марья и Софья с детьми и всем двором удалились в Ростов. Наиболее стойкие граждане пытались укреплять город в ожидании вражеского нападения.

Хан Махмет, находясь в дружеских отношениях с Шемякой, направил к нему посла Бегича договориться о том, чтобы великого князя Василия держать в неволе, а Дмитрию Шемяке быть под рукой хана казанского. Посол долго не возвращался, и Махмет, заподозрив желание Шемяки не зависеть от Казани или поверив слухам, что посол Бегич убит, решил отпустить пленённого Василия за большой денежный окуп. По другому мнению, этому способствовало неожиданное нападение на Казань какого-то болгарского князя.

Между тем Бегич, ласково принятый Шемякой, благополучно возвращался домой: плыл вниз по Оке в сопровождении посла Шемякина дьяка Дубенского. Видимо, между ними возникло дружелюбие, подкрепляемое вином, что и послужило причиной их медлительного путешествия. *Они же, шедшие, пияху и веселяхуса, умедлиша*, – говорит В.Татищев. Узнав об освобождении великого князя, оба посла вернулись в Муром, где Бегич был взят под стражу, видимо, по распоряжению разгневанного Шемяки.

Пробыв в плену около полугода, 1 ок-

(Окончание. Начало см. в № 3-4, 2017 г.)

тября 1445 года великий князь Василий выехал в Москву в сопровождении, как обычно, отряда татар и многих князей татарских и прибыл домой только 17 октября. Шемяка, уже готовясь занять московский стол, вынужден был отступить в свой Углич. Надо заметить, что со времени похорон Дмитрия Красного (1440 год) до 1445 года между Шемякой и Василием Васильевичем не было серьезных боевых столкновений (рознь 1442 года закончилась без битвы).

Повод представился: в Москве слышался ропот против богатого кормления, которое давал Василий татарам в русской земле, да ещё надо было собирать большой окуп за освобождение великого князя. Дмитрий Шемяка склонил на свою сторону влиятельных князей: Бориса тверского, Ивана Андреевича Можайского и некоторых московских бояр, говоря им, что Василий московский слишком поддался татарам.

События развивались остросюжетно и непредсказуемо. Заговор имел успех, когда Василий Васильевич вскоре после своего возвращения из плена поехал на богомолье в Троицкий монастырь по примеру предков. Приближалась самая трагическая страница двадцатилетней борьбы двоюродных братьев за московское великое княжение.

Овладев без всякого столкновения Кремлем (ночью 12 февраля 1446 года заговорщикам открыли ворота), Шемяка послал к Троице князя Ивана Андреевича Можайского, чтобы схватить великого князя. Василий Васильевич, запершись в соборе, умолял через дверь: *«Братья! Помилуйте меня! Позвольте мне остаться здесь, смотреть на образ божий пречистой Богородицы, всех святых; я не выйду из этого монастыря, постригусь здесь»*, – и, взявши икону с гроба св. Сергия, пошёл к воротам, сам отпер их. Стал умолять двоюродного брата князя Ивана: *«Брат! Целовали мы животворящий крест и эту икону в этой самой церкви, у этого гроба чудотворцева, что не мыслить нам друг на друга никакого лиха...»*

Ни мольба у гроба Сергия Радонежского, ни слёзы не помогли: Иван Можайский действовал решительно, выйдя на паперть, он скомандовал своим людям схватить несчастного. И вот уже не государь, а узник едет на голых санях в соседстве с каким-то монахом в Москву. Давно ли избавился от татарского плена и оказался в худшем, безжалостном. Сказал же боярин Никита: *ты пленник великого князя Дмитрия Юрьевича*. Милости от него не жди. Что он задумал? В лучшем случае сошлёт куда-то. Куда? Визжат под санями по-

лозья, скребут встревоженное сердце Василия тягостные мысли. Ещё не всю меру зла довелось ему испытать, на всё воля Божия...

Малолетним сыновьям Василия Васильевича, Ивану и Юрию, находившимся в монастыре вместе с отцом, удалось скрыться и бежать в Муром, к князю Ивану Ряполовскому, который заперся в городе.

Шемяка, уже объявленный великим князем, велел ослепить Василия Васильевича, прозванного впоследствии Тёмным. Случилось это ужасное злодейство в ночь на 16 февраля 1446 года.

Брат жены Василия Тёмного Василий Ярославич, князь Семён Оболенский и храбрый воевода Фёдор Басенок бежали в Литву, остальные при- сягнули Дмитрию Шемяке.

Невозможно представить глубину физических и душевных страданий московского государя, названного Тёмным, и без того претерпевшего много бед. Не видеть божий свет, не видеть лица родных, жить в темноте ещё семнадцать лет и при этом продолжать борьбу за великокняжеский стол, которая в тот трагический момент казалась окончательно проигранной! Это была расплата за попущенный ранее подобный грех: ослепление Василия Косого, *«доказательство того, что и на самой земле бывает возмездие по делам каждого»* (Н.Карамзин). К слову, Василий Косой в это время ещё был жив. Как реагировал он на случившееся отмщение, история умалчивает. Что касается Василия Тёмного, то, вероятно, не раз каялся он в своих молитвах за великий грех десятилетней давности.

В некоторых летописях, пишет С.Соловьёв, приведены причины, побудившие Шемяку ослепить Василия: *«Зачем привёл татар на Русскую землю и города с волостями отдал им на кормление? Татар и речь их любишь сверх меры, а христиан томишь без милости; золото, серебро и всякое имение отдаёшь татарам, наконец зачем ослепил Василия Юрьевича?»* Думается, на первое место здесь надо поставить месть Шемяки за ослеплённого брата Василия Юрьевича: око за око. Эта жестокая до крайности история показывает, сколь терпелив Господь к людским грехам, но рано или поздно воздаёт наказание по ним.

2

Василий Тёмный с женой Марьей был сослан в Углич (Шемякин удел), мать его, великая княгиня Софья Витовтовна, – в Чухлому, чтобы она

не была рядом с ним в роли первой советчицы. На свободе оставались дети, Иван и Юрий, которых приютил с риском для себя князь Рязанский и увёз в Муром.

Дмитрий Шемяка пригласил рязанского епископа Иону, уговорил его съездить в Муром, *взять на свою епитрахиль* детей Василиевых. Напрасно желая обезопасить себя на будущее от наследников Василия Тёмного, Шемяка хитростью выманил детей и отправил их к отцу в Углич (под стражу).

Сторонники Василия Тёмного, бежавшие из Москвы в Литву и другие города, как прежде, тайно готовили меры по освобождению великого князя, проявляя усердие к нему за многие несчастья его княжения, особенно теперь, когда он подвергся такому насилию. Заговорщики уже намеревались сойтись к Угличу, но Шемяка предупредил их план, однако забеспокоился и стал советоваться с епископами, как поступить дальше. *«Сделал ты неправду, а меня ввёл в грех и срам, ты обещал и князя великого выпустить, а вместо того и детей его с ним посадил, – укорял Иона. – Выпусти его, сними грех со своей души и с моей! Что тебе может сделать слепой да малые дети? Если боишься, укрепи его ещё крестом честным».* Вероятно, и сам Шемяка не ожидал большой опасности от слепого, имея в виду пример брата Василия Косого, тихо жившего в одиночестве уже несколько лет. Возможно, этот факт и подтолкнул Шемяку на подобную расправу.

Почему в схватке за великокняжеский стол соперники не устранили друг друга физически и часто примирялись крестным целованием и договорными грамотами? Потому что история помнила ужасное злодеяние Святополка Окаянного, убившего братьев. Случись нечто подобное теперь, волна всеобщего гнева уничтожила бы дерзнувшего на явное убийство.

После долгих сомнений, видя неустойчивость своего положения, когда многие сановники бежали в литовские земли, Шемяка все же решил освободить семью Василия из-под стражи и в сопровождении первых духовных лиц явился в Углич осенью 1446 года. Получается, с момента переворота в Москве прошло месяцев семь-восемь. Надо сказать, что поначалу многие знатные москвичи, кроме храброго воеводы Фёдора Басенка, присягнули Дмитрию Шемяке, но теперь зреет недовольство его действиями. Среди его противников – князья Рязанские, князь боровский Василий Ярославич (брат жены Василия, великой княгини Марии), бежавший в Литву

и получивший в своё владение Брянск: пример того, насколько близко к Москве подступала русская Литва.

Шемяка повинулся перед Василием, просил прощения за содеянное зло. Можно ли было поверить в искренность его раскаяния? Сначала ослепить человека, а потом сказать: извини, брат. Но Василий Тёмный не сетовал, не жаловался, а проявил смирение и даже стал со слезами укорять себя во многих грехах, дескать, ещё не так должен был покарать меня Господь. *«Я один во всём виновен, – говорил он, уничтожаясь, – пострадал за грехи мои и беззакония; излишно любил славу мира и преступал клятвы; гнал вас, моих братьев...»*

Кончилось братскими объятиями, большим пиршеством. К удовольствию Шемяки, утвердили мир, по обыкновению, договорной грамотой и крестным целованием. В надежде на то, что Василий Васильевич его не преступит, он с семьёй был отпущен в Вологду, подальше от Москвы. И милость Шемяки, и сердечное умиление Василия Тёмного оказались притворными, враждебные намерения соперников вскоре снова обострились.

Отметим, что Татищев, Карамзин, Соловьёв охотно ссылаются на тексты крестных или проклятых грамот, но на сей раз не приводят ни одной цитаты из таковой, составленной в Угличе в присутствии первых лиц духовенства. Видимо, не хотели заострять внимание на унижении московского великого князя и, зная об освобождении его от крестного целования игуменом Трифоном, постарались не придавать значения данной клятве на кресте как незаконной, полученной под давлением. В иных же случаях, как, например, в договорной грамоте Василия Дмитриевича с его дядей Владимиром Андреевичем, отмечаются даже такие подробности, что к ней привешены три восковые печати (вероятно, и печать митрополита).

Н. Карамзин пишет о правлении Дмитрия Шемяки в Москве в самом осудительном тоне: *«...Не имея ни совести, ни правил чести, ни благородной системы государственной, Шемяка в короткое время своего владычества усилил привязанность москвитян к Василию, и в самых гражданских делах попирая ногами справедливость..., оставил навеки память своих беззаконий в народной пословице о суде Шемякинном».* Безусловно, присловье это родилось в Москве, прежде всего в связи с ослеплением великого князя. Тем не менее Дмитрий Шемяка находился

на престоле великокняжеском два года, с февраля 1446 по февраль 1448 года: срок немалый.

Могли ли быть довольны незванным государем московские вельможи и служилые люди, прикормленные при дворе и потерявшие место и имущество? Могли ли быть довольны союзные Василию Тёмному князья, попавшие теперь в опалу и вынужденные бежать в Литву? Безусловно, все они стремились вернуть себе утраченное положение и потому скоро объединились с целью освободить Василия Тёмного.

Летописцы клеймят Василия Косого и особенно Дмитрия Шемяку как людей несправедливых, жестоких и в то же время сочувствуют Василию Тёмному, который был не лучше двоюродных братьев, о чём свидетельствуют факты. Справедливо ли писать *о ревности к Правоверию, о суде без лицемерия, о милости Князьям Удельным* после стольких ужасных коварств со стороны Василия? Однако победителей не судят, их действия стараются оправдать, иногда чрезмерными похвалами в исторических послесловиях, а все вины возлагаются на побеждённых. В этом смысле нельзя принимать на веру все летописные восхваления и хуления.

Летописи и вслед за ними историки охотно сообщают о добродетелях Василия Тёмного, о его богопочитании, об усердии к нему боярского окружения и подданных и т.п. Но что сказано про взаимоотношения при дворе князей галицких? Какими интересами они жили, чем занимались, кроме междоусобной брани? Ни слова о их семьях, только порицания и обвинения во всех грехах. Лишь смерть Дмитрия Красного немного приоткрывает плотную завесу бытия Юрия Дмитриевича и его сыновей.

Хотя в Вологде Василий Тёмный уже не находился в заточении, но для него было тягостно положение ссыльного в этом захолустном городке. Он всё же чувствовал себя пленником, и напоминанием об этом звучали часто вспоминаемые повелительные слова Шемякиного боярина Никиты: «Ты пленник великого князя Дмитрия Юрьевича!» Как было перетерпеть такое унижение?

Вскоре по прибытии в Вологду налаживает связи со своими сторонниками, в частности, посылает в Литву к убежавшим князьям и Василию Ярославичу (внуку Владимира Андреевича Храброго) костромского боярина Татищева. Здесь мы находим родовые корни начинателя нашей историографии.

Между тем Василий Тёмный, давший на себя проклятую грамоту, думает, как сложить крест-

ное целование, и, чтобы делу дать законный вид и толк, с этой целью едет в Белозерский Кириллов монастырь. Игумен Трифон берёт грех на себя, освобождая Василия от клятвы, принятой под давлением, и тем самым развязывает ему руки для борьбы за возвращение великого княжения. Не слишком ли это просто? Разумеется, игумен не мог отказать великому князю.

Софья Витовтовна, мать Василия, обладая твёрдым, деятельным характером своего отца, находясь в ссылке в Чухломе, всячески побуждала сына к возвращению на великокняжеский стол, налаживала связи с его сторонниками. «*Княгиня Великая Софья нуди его искати отчины свояе и ея свободоти, я же и в заточении быв, по часту ссылася со приятели и рече, яко весть ему грех по нужде крестное целование давшее, отвергнути и врагом неправды мстити*». (В.Татищев). Дмитрий Шемяка знал о большом влиянии матери на Василия Тёмного, сначала по малолетству его княжения, теперь – по слепоте: только ей он мог вполне довериться. Не случайно сопрательница была сослана отдельно, в Чухлому.

К Василию Тёмному стали стекаться люди, почитая его законным великим князем, оказали поддержку князья: Ряполовский, Оболенский, явился из Литвы храбрый Фёдор Басенок и др. Собрав достаточные силы, Василий пошёл не в Вологду, где ему назначено было находиться, а к Твери, и здесь соединился с князем Борисом Александровичем, с которым раньше враждовал. Союз этот скрепили обручением семилетнего Ивана (будущего Ивана III) с дочерью Бориса Марией.

Встревоженный Шемяка выступил навстречу, к Волоку Ламскому. В его отсутствие дружина великокняжеская под началом боярина Плещеева сумела, обойдя стан Шемяки, проникнуть ранним утром в Кремль, когда случайно оказались открытыми одни из ворот. Захват Кремля произошёл так же легко, как это сделали прежде сторонники Шемяки.

Овладев Москвою, великий князь отправился к Вологде: в погону за Дмитрием Шемякой и его союзником Иваном Можайским. На подмогу Василию шёл из Литвы Василий Ярославич. Шемяка вынужден был бежать в Чухлому, чтобы взять там мать Василия Тёмного Софью и скрываться далее, в Каргополь.

Василий с трудом взял Углич, поскольку его жители держали сторону Шемяки, своего удельного князя; затем пошёл в Ярославль и отсюда послал к Дмитрию Шемяке боярина Василия Фё-

доровича Кутузова (не впервые ли появляется в летописях фамилия Кутузовых?) с письмом, в котором говорилось: «Брат, князь Дмитрий Юрьевич! Какая тебе честь или хвала держать в плену мою мать, а свою тётку? Неужели этим ты хочешь мне отомстить? Я уже на своём столе, на великом княжении!»

Шемяка, посоветовавшись с боярами, сказал им: «Братие, что томите мне тётку и госпожу свою великую княгиню? Я сам бегаю, а люди истомлены, есче и её стеречи, лутче отпустим её». Действительно, держать в плену свою тётку теперь не имело смысла, потому что власть великокняжеская была упущена.

Великая княгиня Софья была отправлена из Каргополя в Москву с ближним боярином Шемяки Михаилом Сабуровым. Василий Тёмный встретил мать в Сергиевом монастыре, а Сабуров тут же добил челом великому князю о своей вине, чтобы остаться служить ему. Забегая вперёд, заметим, что Софья Витовтовна, бывшая во всех предприятиях рядом с Василием, жила, по примеру отца, без мала 80 лет и скончалась в 1453 году, когда не стало и врага её сына, Дмитрия Шемяки.

3

Что оставалось делать Дмитрию Шемяке и Ивану Можайскому? Пришлось покориться, просить мира через посредство родственников: Михаила Андреевича верейского и Василия Ярославича серпуховского (боровского). Теперь уже противники великого князя дали на себя проклятые грамоты, признали Василия Тёмного старшим братом, только оговаривают условие, чтобы он не вызывал их в Москву, пока не избран митрополит, который может взять ручательство за их безопасность.

Отказавшись от Углича и Ржевы, Шемяка продолжал возбуждать недовольство новгородцев и вятчан против Василия Тёмного, по-прежнему поддерживал связь с Иваном Можайским, не возвращал увезённые им из Москвы ценности и документы. Всё показывало, что усобица не окончена, что должна последовать какая-то развязка.

Почему новгородцы были благосклонны к Дмитрию Шемяке? Во время своего правления он призвал в Москву знатных новгородских послов и заключил с ними договор на всех старинах, не требуя чёрной дани, а довольствуясь

только прежними пошлинами. На тех же новгородских условиях пришлось утвердить грамоту с ними и Василию Тёмному. В грамоте этой малолетний сын его Иван (Иван III) уже именуется великим князем, дабы ни у кого не было сомнений в наследнике.

В своей борьбе за московский стол Василий Тёмный применил испытанное средство, укоряющее и грозное слово церковных пастырей, всегда выступавших за единовластие, способное оградить русский народ от иноземных хищников.

После изгнания из Москвы отступившего от православной веры Исидора северная Русь восемь лет оставалась без митрополита, наконец 15 декабря 1448 года российские епископы в угодую великому князю своим собранием посвятили в митрополиты рязанского епископа Иону, бывшего и дотоле первым среди других. Отныне наша церковь обрела полную независимость от Константинополя.

Иона, родом галичанин, из-под Чухломы, однако ревнитель единовластия, всегда содействовавший Василию, написал Шемяке грозное послание от имени епископов и всего духовенства, согласных с наследием великокняжеского стола от отца к сыну, при котором исключаются всякие усобицы. С. Соловьёв называет это послание духовенства как замечательное по необыкновенному для того времени искусству, с каким написано, по уменью соединить цели государственные с религиозными.

Многостраничное послание выдержано в сильных обличительных выражениях: постарался Иона оказать услугу великому князю:

«Ты ведаешь, сколько трудился отец твой, чтобы присвоить себе Великое Княжение, вопреки воле Божией и законам человеческим, лил кровь Россиян, сел на престол и должен был оставить его, выехав из Москвы только с пятью слугами, и сам звал Василия на Государство, снова похитил оное – и долго ли пожил?... Что случилось и с братом твоим? – писал Иона. – Вспомни и собственные дела свои. Когда безбожный царь Махмет стоял у Москвы, ты не хотел помогать Государю и был виною христианской гибели: сколько стрелено людей, сожжено храмов, поругано девиц и монахинь? Ты, ты будешь ответственствовать Всевышнему... Когда великий князь пришёл из плена на своё государство, то дьявол вооружил тебя на него желанием самоначалства: разбойнически, как ночной вор, напал ты на него, будучи в мире, и поступил с ним не лучше того, как поступили древние братоубийцы, Каин

и Святополк Окаянный... Но рассуди, какое добро ты сделал православному христианству... много ли нагосподарствовал, пожил ли в тишине? Ища и желая многого, ты погубил и своё меньшее». В конце послания высказана угроза отлучения Шемяки от церкви, если он не послушает иерархов церкви и не примирится с великим князем окончательно: *«И так, мы, служители олтарей, по своему долгу молим тебя, Господин Князь Дмитрий, очистить совесть, удовлетворить всем праведным требованиям Великого Князя, готового простить и жаловать тебя из уважения к нашему ходатайству, если обратишься к раскаянию. Когда же в безумной гордости посмеёшься над клятвами, то не мы, но сам возложишь на себя тягость духовную: будешь чужд Богу, Церкви, Вере и проклят навеки со всеми своими единомышленниками и клеветами.»*

В другом послании к князьям, боярам и воеводам, по случаю своего посвящения в митрополиты в 1448 году, Иона оказывает на них прямое давление: *«...пишу к вам, чтобы вы посылали бить челом к своему господарю великому князю... Если же не станете бить челом своему господарю и прольётся от того кровь христианская, то вся эта кровь взыщется от бога на вас, за ваше окаменение и неразумение; будете чужды милости божьей...»*

Кроме того, Иона упрекал в своём послании епископа новгородского за то, что новгородцы принимают с честью Дмитрия Шемяку: *«...мог ли я называть сыном того князя, с которым не велю детям твоим, новгородцам, ни пить, ни есть, потому что он сам себя от христианства отлучил... Можно ли князя Дмитрия называть сыном церкви божией и нашего смирения? Я тебе писал и теперь пишу, что я и вместе со мною все владыки и всё священство Русской земли считаем князя Дмитрия неблагословенным и отлучённым от божьей церкви.»*

Справедливости ради, сказанное выше можно отнести и к Василию Тёмному. Почему же не было подобного осуждения, когда он ослепил Василия Косого? И почему церковь не сравнивала его с Каином и Святополком Окаянным?

Шемяка нарушал мир и забывал о крестном целовании, но то же самое позволял себе и Василий Васильевич, хотя все его действия были представлены оправдательно, он будто бы и не преступал крестного целования, поскольку оно формально было снято *«умным игуменом Трифоном»*.

С тем же успехом Дмитрий Шемяка мог найти у

себя в Галиче не менее умного игумена. Духовенство, подобно летописцам, обслуживало идеологию победившей стороны, поэтому что позволено одному, то непростительно другому. Двойные стандарты существовали всегда.

Весной 1449 года, когда великий князь находился в селе Рудине под Ярославлем, туда пришли большими силами Шемяка и Иван Можайский. Обошлось без кровопролития, потому что Иван Можайский перешёл на сторону великого князя, а Шемяка ушёл в Галич. Василий Тёмный продолжил преследовать соперника, двинулся на Галич, но, остановившись в Костроме, вступил в переговоры с Шемякой.

Переговоры закончились, как прежде, миром. *«Князь же Дмитрий, убоаяся, начат мира просити и крест на том целовал, и грамоты на себя проклятые дал, что от того часа не хотети ему никакого лиха князю великому, и его детям..., а преступлю свою грамоту сию, что в ней писано, ино не буди мне милость божия и пречистые его матери...»* (В.Татищев).

Как пример, приведём заключительные строки грамоты Дмитрия Шемяки, обязавшегося не мыслить о великом княжении: *«Ежели преступлю обеты свои, да лишуся милости Божьей молитвы Святых Угодников земли нашей, Митрополитов Петра и Алексия, Леонтия Ростовского, Сергия, Кирилла и других; не буди на мне благословения Епископов Русских...»*

Вместе с Шемякой искал мира и сообщник его князь Иван Можайский. По этой грамоте Шемяка лишился Звенигорода, Углича и Вятки, которая не раз выручала князей галицких своей военной помощью. Оставался лишь родовой удел по отцу – Галич, доставшийся ему после смерти младшего брата, Дмитрия Красного. Кстати, непонятно, почему два родных брата имели одно имя? И у Василия Тёмного – сыновья: два Андрея и два Георгия, правда, первенец Юрий рано умер. И откуда прозвище Шемяка? В ту пору прозвища заменяли фамилии, среди князей и бояр встречаем нередко насмешливые: Квашня, Стрига, Баба, Жилка, Кирдяпа, Брюхатый, Гребёнка, Ноготь и т.п. Но всё чаще знатные люди стали утверждать за собой родовые фамилии, и уже совсем не встречаются древние славянские имена.

Непрочный мир длился два года. Для Дмитрия Шемяки настало самое заботное время. Ограниченный в пределах своего удела и в средствах, давший клятвенную грамоту, он всё же не помышлял прекращать борьбу с Василием Тёмным. По-прежнему обвинял его в дружбе с татарами, искал себе сторонников, надеясь на помощь вятчан, посылал к ним своих людей. Обязавшись по договору вернуть московскую казну, богатые кресты, иконы, древние грамоты, ярлыки ханские и прочее, не исполнил этого.

Наконец *разверже мир*, пренебрег крестным целованием и весной 1449 года двинулся на Кострому. Долго бился, осаждая город, но не смог взять его, потому что обороной руководил умелый и храбрый военачальник Фёдор Басенок; на подмогу пришёл с войском и сам великий князь. После этого упоминается противостояние Василия Тёмного и Шемяки возле села Рудина под Ярославлем, на Волге. Обошлось без битвы, так как союзник Шемяки Иван Можайский переметнулся на сторону Василия Тёмного, Шемяка был вынужден отступить сначала к Вологде, а затем вернулся в Галич, чтобы укрепиться в нём.

Положение Дмитрия Шемяки было тревожное, стеснённый в своих пределах, он сознал, что вряд ли сможет теперь устоять против Москвы, что помощи ждать неоткуда: даже воинственные вятичи больше не поддерживали его, покорившись великому князю. Надо было рассчитывать на собственные силы, готовить оружие, пушки, свозить продовольственные запасы в крепость, наспех набирать ратников, вчерашних ремесленников и рыбаков, по сути ополченцев, многие из которых не бывали в бою.

А уже зимой, не дав длительной передышки противнику, Василий Тёмный, призвав многих князей, двинул на Галич сильное войско под началом воеводы князя Василия Ивановича Оболенского, с ним шёл и татарский полк верного союзника Василия Тёмного, хана Касима, которому великий князь дал землю на Оке в Муромской области. Сын казанского хана Улу-Мухаммеда перешёл на службу к Василию Тёмному в 1446 году. *«Касим построил в этом месте город, имянова Крим ханский»*, – сообщает В.Татищев. Впоследствии – город Касимов. П.Свиньин, проплывавший по Оке, восхищался его красивым расположением, множеством минаретов, возвышавшихся над садами. Этот татарский анклав сохранялся долго, известно, что в смутное время

касимовский царь (хан) убил во время охоты Лжедмитрия второго. Вероятно, по уговору со сторонниками Василия Шуйского.

Татарские мурзы и прежде получали убежище и кормление в Русской земле. Ещё при Василии Дмитриевиче трое из них пришли из Орды, приняли крещение и получили *«корм доволен»*.

Вернёмся к событиям похода на Галич. Московское войско двигалось от реки Обноры вверх по реке Костроме и остановилось перед наступлением в Железном Борке.

Решающая битва произошла 27 января 1450 года. Шемяка встал на крепостной горе, в его пользу была выгодная позиция. Он лично ободрял защитников на стойкое противостояние, разъезжая среди них верхом. Многочисленная московская рать наступала от озера, *«опасаяся, понеже бо гора крута... И первее сразися салтан Касим со своим полком, потом и вси полцы, и бысть бой крепок нодолзе»*, – пишет В.Татищев. – *«Князь же Дмитрий, едзя по полком своим, понуждая, ведый бо свою гибель, исча сломити»*. Вот когда пригодилась неприступная крепость, построенная отцом Шемяки на горе Балчуг. Откуда возникло это название? Было старинное слово белчуг – кольцо: подумалось, может быть, крепостная стена имела форму кольца? А земляной вал спускался до самого озера, по описанию П.Свиньина, поэтому в случае необходимости защитники могли спастись отплытием на лодках, чем на этот раз не пришлось воспользоваться.

«Схватка была ужасна: давно Россияне не губили друг друга с таким остервенением. Сия битва особенно достопамятна как последнее кровопролитное действие княжеских междоусобий», – отметил Н.Карамзин.

По мнению П. Свиньина, Дмитрий Шемяка первый в России ввёл в употребление пищали, которые, вероятно, заимствовал из Литвы. *«Можно представить ужас, наведённый на московские полчища действием сих адских орудий»*, – пишет он. *«А же не возвидев Божьяго света, пали лицем на землю; токмо храбрые, ограждашася знаменем креста, чая преставления света»*. Так говорит один современный летописец, описывая осаду великим князем Василием Васильевичем Галича в 1450 году.

В то же время пушки галичан не наносили большого урона наступавшим, потому что с высокой горы пользоваться ими оказалось неудобно. По этой причине новую крепость (уже при московском правлении) построили на невысоком озёрном берегу. Следует сказать, что ещё недавно

войско Дмитрия Донского не имело пушек, а Галич при Шемяке уже использует пищали и пушки. И Василий Косой, покидая Москву, забирает с собой пушки и снаряжение к ним.

Перелом в битве наступил, когда московская рать и татары Касима сумели раздвоить полки Дмитрия. Крепость и на этот раз не была взята боем: после переговоров защитники сами открыли ворота, когда Шемяка, спасаясь бегством, покинул город, чтобы укрыться, как всегда, в спасительном Новгороде.

Во время битвы неуверенный в её исходе Василий Тёмный стоял отдаленно от Галича в селе Борок, под сильной охраной. Узнав о победе, въехал в город и посадил своего наместника. Галицкий удел перестал существовать, а Дмитрий Шемяка оказался последним его князем. Уже при московском правлении Галич долгое время сохранял своё историческое значение. В Москве был учреждён особый Приказ – Галицкая четверть. По сообщению П.Свиньи́на, к этому Приказу были приписаны многие города: Галич, Белев, Карачев, Кашин, Кологрив, Коломна, Кашира, Мценск, Мещовск, Парфеньев, Ростов, Солигалич, Судай, Суздаль, Унжа, Чухлома, Шуя и Юрьев-Поволжский.

5

Борьба ещё не была завершена, потому что Василий Тёмный был занят делами татарскими: степняки приходили в московскую землю дважды, летом 1450 года и в следующем году. В первом случае Василий Тёмный послал против них упомянутого выше салтана Касима, не раз выручавшего великого князя. Касим прогнал вторгшихся завоевателей от берегов Пахры.

Второй приход татар оказался опасней первого. Василий Тёмный выступил против них, но, узнав о многочисленности татар, вернулся в Москву, где оставил мать Софью и сына Юрия под бережением митрополита Ионы, а жену с другими детьми отправил в Углич. Сам же ушёл к Волге, чтобы перебраться за реку. Татары сожгли и пограбили город и, не взяв задыхавшийся в дыму Кремль, отступили. Москва уже не первый раз отстраивалась заново.

Тем временем Дмитрий Шемяка взял Устюг: может быть, надоело ему, беспокойному, сидеть в Новгороде, решил повоевать хорошо знакомые ему северные области, снова собрать сторонников? Великий Устюг далеко от Москвы, там мож-

но укрепиться, тем более что устюжане *против него щита не держали*, то есть обошлось без битвы, однако с теми, кто не отступился от Василия московского, обошёлся круто: навязывали камень на шею и сбрасывали в Сухону. В Устюге Шемяка стоял без мала два года и даже ходил на Вологду, намереваясь потом взять и Галич.

Василий Тёмный воспользовался этими обстоятельствами, собрав большое войско, пошёл преследовать неприятеля: сам остановился в Галиче (уже как хозяин), а к Устюгу отпустил сына Ивана с князьями и воеводами. И опять среди них находился татарский полк царевича Ягупа, брата Касимова. Выбитый из города Шемяка бежал дальше на север, на реку Кокшенгу, метался из места в место, но преследование продолжалось и там, так что снова довелось искать прибежище в Новгороде, где жил ещё около года. Новгородцы не выдавали его, основываясь на старинных правах Господина Великого Новгорода.

Разумеется, Василий Тёмный не мог оставить в покое своего врага: на сей раз решено было действовать не силой оружия, а «тихим» способом. С.Соловьёв пишет: *«В 1453 году отправился туда из Москвы дьяк Степан Бородатый, он подговорил боярина Шемякина Ивана Котова, а тот подговорил повара: Юрьевич умер, поевши курицы, напитанной ядом. 23 июня пригнал к великому князю из Новгорода подьячий Василий Беда с вестью о смерти Шемякиной и был пожалован за это в дьяки».*

Уклончиво сказано *«отправился туда из Москвы дьяк Степан Бородатый»*, как бы по своей охоте, хотя понятно, кто его послал властным взглядом. Во-вторых, гонец, принесший «добрую» весть, получает лавровый венец, как считали древние: подьячий повышен в чине. И после этого жестокого братоубийства Василию Тёмному всё прощается, нет ни слова осуждения в его адрес. Нельзя летописцу хулить победившего любой ценой московского князя.

Столь же уклончиво и оправдательно сообщает о смерти Дмитрия Шемяки Н.Карамзин: *«...смерть его казалась нужною для государственной безопасности: ему дали яду... Виновник дела, столь противного Вере и законам нравственности, остался неизвестным. Новгородцы погребли его с честью в монастыре Юрьевском».* Вот так, виновника злодеяния стараются не замечать, напротив, даже в этой ситуации следует обличение Шемяки: подьячий Беда *«прискакал в Москву с вестью о кончине сего жестокого Василиева недруга».* Правда, тут же

следует признание, что *великий князь изъявил нескромную радость*.

Боярин Иван Котов раскаялся в своём преступлении по наущению подосланного дьяка. В житии св. Пафнутия Боровского есть такие детали этого события: *«Некий человек, именем Иван, съ бяше по научению неких в Великом Новгороде, служа у некоего князя благочестива, и господина своего отравою умори, последи же зазрев себе облечаяся в иноческий образ и прииде в обитель святого; он же видев его грядуща, рече к ученикам: зрите ли человека сего, яко не иноческого ради образа очистися от крови!.. Последи же поведал блаженный единому ученику: съ человек князя Дмитрия Шемяку отравою уби»*.

Кончина последнего галицкого князя оказалась насильственной. Случилось это 23 июня 1453 года. Так закончилась последняя беспощадная усобица между внуками Дмитрия Донского, не исполнившими завет великого игумена земли Русской о спасении в единстве и любви. Усобица эта, отнимавшая силы, необходимые для борьбы с врагами внешними, тем не менее позволила Василию Тёмному сосредоточить в своих руках власть почти над всеми уделами северо-восточной Руси.

6

Сын Дмитрия Шемяки Иван, опасавшийся преследования великого князя, бежал из Новгорода в Литву. На пути сделал длительную остановку в Пскове. Псковичи встретили его с честью (духовенство вышло навстречу с крестами), а провожая в Литву, одарили двадцатью рублями. В Псковской летописи сказано: *«Приеха во Псков Князь Иван Дмитриевич Шемячичь из Новгорода Апреля 9 (в 1543 году) и выидоша противу его Игумени и Поповесо кресты ко св. Дмитрею на Пскову, и Псковичи прияша его честно, и даща ему 20 рублёв, и поеха в Литву!»*

Иван Дмитриевич пользовался милостью великого князя литовского Казимира, получил во владение богатые области городов Рыльского и Новгорода Северского. В договорах Ивана III с новгородцами и позднее с шурином Михаилом тверским (1488 г.) говорится о том, что они не должны принимать Ивана Шемякина, следовательно, он был ещё жив. Далее след его теряется в истории, зато самым положительным образом отличился сын Василий Иванович Шемякин. В одних источниках он назван Шемячичем, в других – Шемяки-

ным. Последнее правильной, так как прозвища в то время начали становиться фамилиями.

Когда в 1500 году Иван III, возмущившись действиями великого князя литовского Александра, притеснявшего православных в русской Литве, решил применить военную силу и занял ряд русских городов, внук Шемякин Василий охотно присягнул Ивану III, прося его взять под защиту Рыльск и Новгород Северский, подаренные его отцу великим князем литовским Казимиром. С такой же просьбой обратился и сын Ивана Андреевича можайского Симеон, владевший после отца Гомелем, Черниговом, Стародубом и Любечем. Момент для возвращения русских земель оказался удобным. Непосредственным поводом к началу военных действий послужило то, что Александр был зятем Ивана III, выдавшего свою дочь Елену за великого князя литовского с условием, что она останется в православной вере. Но понуждение её к латинству имело место.

Уже в следующем 1501 году Василий Шемякин выступает одним из предводителей войска, одержавшего славную победу над литовцами под Мстиславлем, где неприятель потерял около семи тысяч воинов. А в 1502 году Василий Шемякин снова участвует в походе русского войска на Литву. В результате широкого наступления по договору 1503 года под руку Ивана III перешло около двадцати городов и областей.

В 1508 году война возобновилась уже с наследником Александра Сигизмундом, и снова мы видим Василия Шемякина среди предводителей русского войска. Великий князь Василий Иванович *посылает полки под главным начальством Василия Ивановича Шемячича (С.Соловьёв)* на помощь влиятельнейшему литовскому вельможе и полководцу Михаилу Глинскому, также перешедшему на сторону Москвы.

«Князь Василий Шемякин северский отличался доблестью воинскою, был ужасом Крыма, ненавистником Литвы и верным стражем южной России, за что великий князь (сын Ивана III Василий. – Ю.Б.) оказывал ему милость и дал город Путивль, но опасался и не любил его, во-первых, помня ужасный характер деда Василиева, а во-вторых, зная беспокойный дух внука, смелого, надменного своими достоинствами». Так оценивал личность Василия Шемякина и его заслуги Н.Карамзин.

Уделим внимание интриге с участием трёх Василиев: государь Василий Иванович (Василий III), Василий Иванович Шемякин и Василий Симеонович стародубский (можайский), все трое явля-

лись внуками главных действующих лиц предшествовавшей междоусобицы. Не случайно В.Ключевский говорил, что иногда трудно запомнить, кто из них Иван и кто Василий. Эта череда Иванов и Василиев прекратилась с началом династии Романовых. Оба выдающихся государя этого периода были Иванами Васильевичами (кстати, Иван III тоже был назван Грозным).

Так вот, Василий III ценил ратную доблесть Василия Шемякина, добавил к его владениям Путивль и поручил ему вместе с князем Василием Симеоновичем стародубским охранять южные рубежи России. Дело в том, что к тому времени, когда Иван III начал отвоёвывать у Литвы русские города, значительно усилилось Крымское ханство¹¹ и теперь к постоянным набегам казанцев и Большой Орды добавилась новая угроза. И здесь, на южном направлении, отличился Иван Шемякин: он разбил татарское войско, приходившее под Путивль.

В то время как Москва собирала вокруг себя русские земли, от большой Волжской орды обособились Крымская и Казанская, в результате царство, разделившееся само в себе, погибло под ударами самих же крымцев, что ускорило извращение Московского государства от ига.

Как видим из вышеизложенных событий, все три Василия являлись родственниками, а Василий стародубский был ещё и свояком государя. Почему-то князь стародубский таил злобу на Шемякина и оклеветал его в измене, в тайных сношениях с королём польским Сигизмундом. А надо сказать, Василий III и без того с недоверием следил за Шемякиным, помня кровавую распрю между своим дедом и Дмитрием Шемякой.

Василий Шемякин, не зная за собой вины, требовал от великого князя Василия Ивановича справедливого суда: *«Прикажи мне, холопу твоему, быть в Москве, да оправдаюсь изустно, и да умолкнет навеки клеветник мой. Ещё отец его, Симеон, злословил меня: сын хвалится безстыдством и говорит: уморю Шемякина или сам заслужу гнев Государев. Исследуй дело: если я виновен, то голова моя пред богом и пред тобою»*.

В августе 1517 года он приехал в Москву, был оправдан и вернулся в Новгород Северский, где правил ещё пять лет. Князь Шемякин отомстил своему недругу, выгнав его из Стародуба. Надо полагать, князь стародубский (можайский) озлобился ещё пуще и продолжал клеветать на родственника.

В 1523 году появились новые подозрения. Состоялся второй суд в Москве, где Василий Шемя-

кин был обвинён в тайных связях с Литвой, заключён в темницу и скончался, проведя в заточении несколько горьких истомных лет (по крайней мере, есть упоминание, что в 1526 году он был ещё жив). А Василий III, избавившись коварным способом своих предков от князей северских, посадил в Стародубе и Новгороде Северском своих наместников.

Многие осуждали государя и митрополита Варлаама за этот неправедный суд. Митрополит на первом суде дал поручительство за Шемякина. Великокняжеский чиновник Берсен упрекал: *«А то митрополит сам позабыл, что к Шемячичу грамоту писал и руку свою к той грамоте и печать приложил, а взял его на образ Пречистые, да на Чудотворцев, да на свою душу»*.

Род галицкого князя Юрия Дмитриевича прекратился, поскольку у Дмитрия Шемяки был единственный сын, а Василий Косой и Дмитрий Красный оказались бездетными.

ОКОНЧАНИЕ МЕЖДОУСОБИЦЫ

Издавившись от соперничества Юрьевичей, великий князь Василий повёл более решительную политику против других удельных князей. Прежде всего вынудил бежать в Литву сподвижника Шемяки Ивана можайского.

Впереди было сказано о высылке под стражу в Углич по непонятным причинам Василия боровского, соратника и шурина великого князя, удел которого тоже достался московскому властителю. Василий Ярославич в заточении и умер, а пытавшиеся освободить его верные подданные подверглись жестокой казни. Произошло это в год смерти самого Василия Тёмного, в 1462 году. Вот как сказано об этой казни в Северорусском летописном своде 1472 года: *«...повелел князь великий схватить их...казнить, пороть и пытать, и конями волочить по всему городу и по всем площадям, а после всего повелел им головы отрубать. Множество же людей, видя всё это, в великом были ужасе и изумлении, ибо никогда до того о таком и не слыхивали... ведь к тому же и недостойно православного великого государя подобными казнями казнить и кровь проливать в святой Великий пост»*.

При этом тремя строчками ниже сообщается о кончине *благодарного и христолюбивого князя Василия Васильевича*. Карамзин даже признал, что *властолюбие его (Василия Тёмного. – Ю.Б.) возрастало, заглушая в нём святейшие нрав-*

ственные чувства. Злодеяния и христоробие не могут быть совместимы.

Василий Тёмный дважды посылал своих воевод в далёкую Вятку, чтобы привести под свою руку эту область, жившую по вольнолюбивым обычаям, похожим на новгородские. Мы видели, как вятчи не раз действовали в союзе с галицкими князьями. Отныне Вятка обязалась помогать военной силой Василию.

Рязань самым мирным образом перешла под руку великого князя московского, когда умер князь Иван Фёдорович, поручивший своих детей Василию Тёмному. Василий взял детей в Москву, а в Рязани посадил своего наместника.

Присоединив или подчинив себе почти все уделы, Василий Тёмный стал готовиться к походу на Новгород, в наказание за то, что новгородцы привечали Дмитрия Шемяку. Были посланы *размётные письма* (объявление войны), и в январе 1456 года великий князь пошёл ратью на Новгород за *неисправление новгородцев*.

Поход оказался удачным. Здесь упоминается загадочный торговый город с любопытным названием Руса,¹² который взяли москвитяне, удивившиеся его богатству. История этого города теряется в глубокой древности и весьма любопытна.

Бой с новгородцами обошёлся без большого кровопролития, но с немалыми выгодами для Василия, принявшего новгородскую делегацию во главе с архиепископом Евфимием и заключившего мирный договор уже на своих условиях. Новгородские вольности были сильно ограничены. Василий Тёмный даже гостил у новгородцев целых два месяца, наладил дружбу и с псковитянами, которые просили к ним наместником сына Тёмного, Юрия¹³. Довершить окончательное покорение Новгорода Великого предстояло другому сыну Василия, Ивану, как предсказывалось при его рождении.

«...важный для Северной Руси исход московской усобицы, – заключает В.Ключевский. – Начав княжение чуть не ребёнком, мягкий и благодушный Василий, казалось, совсем не годился для боевой роли, какая ему была суждена. Не раз битый, ограбленный и заточённый, наконец ослеплённый, он, однако, вышел из 19-летней борьбы с приобретениями, которые далеко оставили за собою всё, что заработали продолжительными усилиями его отец и дед».

Конечно, для боевой роли Василий Васильевич не годился: в первый период своего княжения – по малолетству, во второй – по слепоте. Его име-

нем правили ближние бояре и мать, великая княгиня Софья. Провидению было угодно, чтобы она опекала сына до полной его победы над соперниками и умерла почти одновременно с Шемякой, 15 июня 1453 года. А Дмитрий Юрьевич скончался через неделю, 23 июня того же года.

Старания Василия в пользу единовластия, нередко сопряжённые с коварством, явились благом по конечному результату, потому что исключали усобицы, укрепляли могущество Московского государства. Несмотря на весь разор Руси собственной смутой, на оскудение казны, казалось бы, не воинственный князь-неудачник превзошёл своих предшественников в территориальных приобретениях (примыслах). Однако в своём завещании Василий Тёмный делит собранное с большим кровавым трудом великое княжество Московское между сыновьями.

К счастью, основные княжества завещаны старшему сыну Ивану, которому уготовано судьбой более успешно продолжить начатые усилия по созданию Московского государства. Иван строил на основательном фундаменте, заложенном отцом, о чём свидетельствует перечень городов, которые он получил как утверждённый великий князь: Владимир, Переславль, Кострома, Галич, Устюг, Вятка, Нижний Новгород, Муром, Боровск, Калуга да треть Москвы. *«А вы, дети мои, чтите и слушайте старейшего своего брата Ивана в моё место своего отца»*, – наказывал Василий. К грамоте привешены две печати: великого князя и митрополичья, хотя архиепископ Ростовский подписался скромней: *смирный Феодосий Архиепископ всея Руси*. Интересно, что завещание писал дьяк Василий Беда, известный нам по делу об отравлении Дмитрия Шемяки.

Заблаговременно ещё десятилетнего сына (учитывая уроки собственного опыта) Василий стал именовать в грамотах великим князем, чтобы исключить всякую усобицу в будущем. Он приобщает его к ратному делу, посылает во главе войска против татар, и 18-летний Иван одерживает первую победу над ними на берегах Оки. Ещё раньше мы видели, как юный Иван идёт с московской ратью на Устюг, в погоню за Шемякой.

Задолго до кончины Василия Иван стал его соправителем, набрался опыта, приобщившись к делам государственным. Ему было уже 22 года, когда он наследовал престол Московский, в отличие от отца и деда, принявших правление великим княжеством десятилетними отроками.

В.Ключевский справедливо говорит: *«Если бы*

они (русские князья. – Ю.Б.) были предоставлены самим себе, они разнесли бы свою Русь на бессвязные, вечно враждующие между собою удельные лоскутья», но, пожалуй, слишком категоричен в характеристике московских Даниловичей, которые, по его мнению, «отличаются замечательно устойчивой посредственностью – не выше и не ниже среднего уровня... Это князья без всякого блеска, без признаков как героического, так и нравственного величия», а их деятельность зависела исключительно от обстоятельств.

Всё же надо оговориться, что в роду Даниловичей были выдающиеся государи, например, Дмитрий Донской или будущий Иван III. Что касается обстоятельств, то это справедливо сказать о любом правителе и даже о любом смертном. Успехи или неудачи государя зависят и от внутренних нестроений, как было при Василии Тёмном, и от внешнего давления: и то и другое может быть сокрушительным.

Напомним о важнейшей заслуге Василия Тёмного перед церковью: при нём митрополичья кафедра была перенесена из Владимира в Москву, а митрополиты стали поставляться не константинопольским патриархом, а собором русских святителей. Нахождение митрополита в Москве укрепляло великокняжескую власть, повышало доверие к ней всего населения северо-восточной Руси. Мы видели, как духовенство ревностно отстаивало единовластие, видя в нём выгоды безопасности государства. Отныне только великий князь московский мог защитить русскую землю от хищников с востока и запада, как это было на Куликовом поле. Победа над Мамаем показала всему русскому народу, что сила его в сплочении, когда можно смело обнажить меч против любого завоевателя. Идея централизации власти становится приоритетной, чему способствовал и новый порядок наследования великокняжеского престола, который скоро превратится в царский. Василий Васильевич Тёмный находился на Московском княжении 37 лет, подобно своему отцу. Изнурённый многотрудной жизнью, прошедшей в жестокой борьбе за престол, и не менее жестоким недугом, он скончался 27 марта 1462 года. За год до того скончался сподвижник великого князя митрополит Иона, и на митрополию Киевскую и всея Руси был поставлен ростовский архиепископ Феодосий.

Московская Русь теперь не распадётся, как распалась Киевская, потому что власть сосредоточена в руках возмужавшего, набравшегося опыта Ивана, а у прежних соперников Москвы нет и мысли противиться ей.

Как болезнь сменяется выздоровлением, так и в делах государственных эпоха уныния, губительных распрей сменяется эпохой величия, могущественного и духовного подъёма. Впереди было в полном смысле Великое княжение Ивана Васильевича III, самовластного государя, возвысившего Россию, именуемого перед иностранцами царём. «Одно государствование Иоанна III есть редкое богатство для истории, – говорит Карамзин, – по крайней мере, не знаю Монарха достойнее жить и сиять в ея святилище».

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Театром основных действий междоусобной распри первой половины XV века являлся наш северо-восточный край: Москва, Кострома, Ярославль, Углич, Галич, Новгород Великий, Нижний Новгород, Вологда. Великий Устюг, Вятка – в этих городах и землях разворачивались изложенные события.

Все главные действующие лица этой драмы неоднократно бывали в Ярославле. Московские и галицкие полки не могли миновать Ярославля, и потому основные битвы между враждующими князьями происходили на территории области: неподалёку от Ростова в 1434 году бились Юрий Дмитриевич с Василием Васильевичем, под Козьмодемьянском великий князь в 1435 году разбил Василия Косого; Василий Тёмный, освободившись от крестного целования, на пути своём из Вологды с боем взял Углич. Город этот часто упоминается в негероической хронике тех лет и потому, что служил местом ссылки опальных князей, и потому, что был владением Дмитрия Шемяки, одного из главных действующих лиц в борьбе галицких князей за великокняжеский стол. Из Углича Василий прибыл в Ярославль, где его ожидал верный союзник, татарский царевич Касим с братом Ягупом. Следует отметить, что Ярославль и его князья постоянно держали сторону Москвы.

Не менее важную роль играла Кострома, являвшаяся пунктом сбора и галицких, и московских войск, хотя костромичи тоже находились под рукой московских великих князей.

Во-вторых, все московские великие князья со своими семьями, начиная с Дмитрия Донского, находили спасение при татарских нашествиях именно в Костроме (и снова путь их лежал через Переславль, Ростов, Ярославль). Татары наступали на Москву, как правило, от степных рязанс-

ких украин или от Владимира, а за широкой Волгой было всего безопасней.

Понятно ключевое положение в этой длительной расправе Галича, являвшегося уделом Юрия Дмитриевича и его сыновей. Владения Галича были обширны, к нему тяготели и Вятка, и Устюг, и Бежецкий Верх, и прочие северные территории, откуда приходила воинская подмога. В частности, этим объясняется столь долгое и упорное сопротивление галицких князей.

Упомянем и об особом значении в изложенных событиях Новгорода Великого, сохранявшего свою независимость. Великие князья знали силу новгородцев, способных постоять за святую Софию. Здесь находили убежище все противники Москвы, а в случае настигавшей опасности отсюда можно было бежать дальше, в Литву, спасались и получали кормление многие из опальных князей и бояр.

Поражает неприхотливость наших предков, особенно многоверстные переходы ратников. Вот Юрий Дмитриевич, кутаясь от мороза в возке, едет через февральские метели из Москвы в Галич, позднее дядя и племянник отправляются в дальний путь на ханский суд (а Юрий Дмитриевич ещё едет зимовать в Крым), вот он, избегая столкновения под Костромой, уходит к Нижнему и далее, за реку Суру. Тот же Юрий Дмитриевич после поражения под Галичем отступает на Белоозеро и, собрав силы, незамедлительно движется к Москве.

Множество невзгод выпало на долю великого князя Василия Тёмного, дважды претерпевшего изгнание из Москвы, татарский плен и ослепление. Вряд ли мы найдём в нашей истории государя, перенёсшего столько страданий.

Что уж говорить о неуёмном Шемяке, который метался из города в город по всей северо-восточной Руси, от Новгорода до Устюга и Вятки. Это в условиях средневековой лесной глухомани и бездорожья. Спал ли он спокойно хоть одну ночь?

События показывают ужасную жестокость тогдашних нравов. Усобицы сопровождалась темницами, оковами, ослеплением и отравлением, казнями. Василий Косой велел отрубить руку и ногу сподвижнику, изменившему ему. Шемяка топил в Сухоне устюжан, не отрекшихся от Василия Тёмного, хотя большинство горожан присягнуло ему. Соратник Дмитрия Шемяки Иван Можайский (тоже родственник, внук Калиты), пленивший в Троице Василия Тёмного, превзошёл в своём жестокосердии всех: сжёг на костре боярина Андрея Дмитриевича и его жену, обвинив их

в каком-то волшебстве. Аналогичный, ещё более жуткий случай, возмутивший негодованием Москву, произошёл в Литве, где Свидригайло приказал сжечь митрополита литовской Руси Герасима, державшего кафедру в Смоленске.

Железные оковы, меч палача, камень на шею для утопления в реке, яд – вот арсенал бессудных расправ того времени.

Уж если князья и вельможи претерпевали такие страдания, то что довелось испытывать сермяжной черни? Простых людей, беззащитных перед вооружёнными хищниками, постоянно разоряли, гнали в полон, секли, как траву, и свои в схватках за власть, и завоеватели, теснившие Русь с востока и запада. Особенно губительны были частые набеги ордынцев и казанцев. Огню и мечу предавались целые селения и посады, так что в лучшем случае могла уцелеть только крепость. Люди находились постоянно в состоянии войны, а на войне все молят Бога о своём спасении: потому так крепка была в те тяжкие времена православная вера.

К этому следует добавить частые стихийные бедствия, против которых люди были бессильны: сугубые морозы, засухи, неурожай, голод, моровые поветрия, косившие россиян тысячами, постоянные пожары, истреблявшие деревенные города.

Всё это осталось далеко в нашей истории, но, к счастью, сохранились скучные сведения летописных хроник.

Будем помнить, через какие тяжкие испытания прошла Русь, в каких муках, в каком героическом противостоянии с внешними поработителями зародилось Московское государство. Поклонимся мужеству и стойкости русских людей, сумевших преодолеть рознь, объединиться, одолеть всех завоевателей и создать великую державу.

Мы живём на священной земле древней Руси, где начиналась наша государственность, где сосредоточены города-памятники, а каждая пядь освящена ратным или духовным подвигом предков и белым сиянием православных храмов. Здесь – наша история, которую хочется знать в её полноте.

Кто-то из мыслителей сказал: «Для полного счастья надо иметь славное Отечество». Мы его имеем. Будем беречь величие России, достигнутое героическими усилиями наших предков.

ТАМ, ГДЕ ХОДИЛИ РАТНИКИ

Мой путь на родину пролегает по местам изложенных событий. Здесь, от города к городу, грозно ступали московские и галицкие полки: дорога эта, упрятанная теперь под асфальт, исхожена ими в обоих направлениях. Сразу за мостом через Которосль – низкий берег у слияния с Волгой перед Коровниками: здесь стояла рать ярославского князя Александра Брюхатова и произошло курьёзное похищение его и супруги дерзкими вятичами.

Проезжаю через посёлок Туношна, в устье одноимённой реки, которая в летописи названа Туношмой, что правильней, поскольку названия многих северорусских рек имеют окончание *ма*, означающее на угро-финском вода (Клязьма, Кама, Вохтома, Ундома, Кисьма, Песома и т. п.). Здесь причалили лодки вятичи, шедшие на помощь Василию Косому во время его рокового похода на Москву. Остаётся загадкой, как они поднимались против течения? Видимо, потому и не успели вовремя к бою.

В наши дни путь от Ярославля до Костромы занимает полтора часа. С моста через Волгу хорошо виден знаменитый Ипатьевский монастырь, отмеченный многими важными событиями в истории. Возле монастыря по обе стороны реки Костромы, впадающей в Волгу, летом 1435 года стояли войска Василия Тёмного и Василия Косого, хотя дело обошлось без битвы. Сюда, в Кострому, ища укрытия от нашествия на Москву монголов, уходили Дмитрий Донской, Василий Дмитриевич и Василий Тёмный: видимо, надёжной считали костромскую крепость за Волгой. Сюда же бежал вместе с семьёй молодой московский Василий, преследуемый дядей.

В Костроме не раз собирали силы князя галицкие и московские. В усобице, о которой было сказано, Кострома играла особую, как бы пограничную роль между Галичем и Москвой: в ней сосредотачивали ратную силу то одни, то другие.

П.Свиный сообщает интересную подробность об Успенском соборе, основанном в 1250 году, на месте которого была эта неприступная крепость, главной ценностью которой являлась икона Фёдоровской Божьей Матери: *«Предание говорит, что в уважение того, что она обретена Великим князем Василием Ярославичем на речке Запрудне, лежащей к западу, обращены в эту сторону и алтари соборные, между тем, как известно, что, по законам Греческой Церкви, алтари в целом Русском царстве делаются на восток».*

Заметим, что алтари недавно построенного ярославского Успенского собора обращены на север, чему тоже должно быть объяснение.

От Костромы до самого Галича дорога идёт лесом. Шуршат шинами встречные машины. Это теперь, а что было тогда? Сплошная лесная глушь и узкий просёлок. Мне представляется, как движутся по нему ратники: поступь тяжёлая, но упорная. Грозная колонна вытянулась не на одну версту: впереди – сверкающая доспехами конная дружина князя, дети боярские и дворяне, за ней – пешие полки, вооружённые секирами, топорами и копьями. Позади – длинный обоз со всяким иным снаряжением и припасом. Глухой звон доспехов, сдержанные голоса, ржание коней...

Мне кажется, вместе с этой ратью я приближаюсь к древнему Галичу. На холме останавливаемся на отдых после длительного пути, воеводы посылают в разные стороны *сторожей* (разведчиков и дозорных). Отсюда видны край озера, город, обозначенный куполами церквей и монастырей, в остальном – деревянный, но богатый... Тогда не было этой обширной площади с нижними и верхними торговыми рядами, но была неприступная крепость на знаменитой горе Балчуг. Название непонятное, в котором слышится что-то более южное; иногда говорят прощце – Шемякина гора.

А вот как по-землячески восторженно рисует современный ему Галич П.Свиный: *«Живописно положение его при обширном озере у подошвы высокого юго-восточного берега, который, обогнув дугою, как неприступным валом, придаёт ему неимоверную привлекательность и разнообразие. Когда спускаешься с Костромской или Кинешемской дороги, прежде всего открываются позлащённые верхи церквей и колоколен, как будто выходящие из недр земли; потом перед взорами стелются ряды разноцветных крыш и теремов, как будто плавающих на зеркальной поверхности озера, которое с другой стороны обложено синими горами...»*

В те времена город действительно являлся значительным, постепенно он становился не крепостью, а торговым центром, в нём появляются каменные строения, обширные торговые ряды. Торговали пушниной, кожей, изделиями ремесла, рыбой, которой вылавливали до 10000 пудов в год, что приносило доход в 40000 рублей. В 1839 году в Галиче насчитывалось 10 тысяч жителей, а в Костроме – 12 тысяч.

Теперь трудно поверить, что в Галиче было когда-то десятка два церквей и до десяти монастырей.

рей. Ныне сохранился всего лишь один, восстановленный недавно Паисиев, ставший женским (прежде был мужским). Галич был родиной таких подвижников церкви, как митрополит Московский Иона, Паисий Галицкий, Макарий Унженский, Павел Обнорский.

С событиями нашего рассказа связана история Овиновской иконы Божьей Матери, названной так в связи с чудесным обретением её боярином Иваном Овиным. Когда в 1434 году войска великого князя московского Василия Васильевича разорили галицкие посады и захватили Паисиев монастырь, главная святыня была увезена в Москву, но каким-то чудом вернулась в монастырь. Позднее Василий Тёмный одаривал его, помня свой грех перед обителью.

Вот и гора Балчуг. Оставляю машину возле неё и медленно поднимаюсь по крутизне, которую с большими потерями одолевали московские ратники. Этот холм обильно полит кровью, именно здесь *была сеча зла*. Достигнув его, стою, чтобы отдышаться, на том пятачке, где завершилась решающая битва Шемяки с полками Василия Тёмного. Как же было не удержать такую выгодную позицию? Объяснение одно: большое превосходство сил противника.

Там, где стояла крепость, колышется высушенная июльским зноем трава. Вот тут, во дворце галицких князей, поочерёдно властвовали над огромной округой Юрий Дмитриевич, Дмитрий Красный, Дмитрий Шемяка, а 27 января 1450 года в крепость вошёл победителем Василий Тёмный.

П.Свиньин называет крепостную гору урочищем Столбищи, в его времена ещё кое-что напоминало место укрепленного города. Он пишет: *«Бугры, видимые на урочище, именуемом Столбище, показывают места княжеского дворца и обширных садов, от коих ещё остались вековые деревья. Есть предание, что здесь сокрыты Шемякынок сокровища, награбленные им и братом в Москве и Ярославле»*.

Ближе к озеру, в Староторжье, находился прежний Преображенский собор, где служил литургию митрополит Фотий, вышедший затем на площадь благословить галичан.

Внизу, по набережной улице бесшумно текут машины дальше на север, к соседним древним городам, Чухломе и Солигаличу, владениям галицких князей, к моему Парфеньеву, тоже бывшему немного позднее крепостью, комендантом которой являлся предок писателя Аркадия Гайдара Захарий Сальков, отбивший приступ поля-

ков в смутное время и получивший за это героичество здесь земли.

Не по этой ли дороге везли в чухломскую ссылку великую княгиню Софью Витовтовну? И не по ней ли ехал в Великий Устюг отрок Иван III вместе с московскими полками? А позднее где-то в Галиче томились братья Шуйские, сосланные Лжедмитрием первым (галицким авантюристом Гришкой Отрепьевым).

Не по этой ли дороге ездил на ярмарку в Галич мой дед, привозивший целый мешок мороженой рыбы? Вот здесь, под горой, повизгивали полосьями его сани, а дед, кутаясь в тулуп, согревал нос сигаркой. Далее был путь до Афонина, через нескончаемые леса, которые С.В.Максимов назвал великими, страшными.

Сразу за улицей широко, до самого горизонта простёрлось светящееся небесным отражением озеро: вдохновляющий вид. За озером, обрамлённым лесом, видна та конусная гора, называемая Туровской, на которой находилась кумирня древних мерян.

Всё стало давней историей, с тех пор сменилось множество поколений людей. Полтысячи лет назад происходили события, о которых было сказано, но в эти минуты они приближаются ко мне. Отсюда, с высоты, я вижу наступающие московские полки, слышу звон оружия, воинственные крики и стоны раненых. Может быть, и мои предки бились на этом холме, ходили походами по городам и весям северо-восточной Руси?

Чуть внятно шелестит трава возле остатков фундамента княжеского дворца, и чудятся мне не уловимые, а только мнимые голоса его обитателей. И это так близко, что не хочется верить в пять минувших веков.

Внизу – Галич, сохранивший следы древности, далеко простирается лениво-спокойное озеро, свидетель всех эпох, ровесник самой Земли; оно всё видело, всё слышало и молчаливо хранит своё знание.

Благослови Господь эти неистощимые воды, эти холмистые, как бы не тронутые временем берега и людей, живущих на них.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹¹ Разоритель Москвы старый Едигей уже плохо управлял Черноморскими улусами, а его сыновья все погибли в схватке за власть, тогда ханом был избран молодой Ази, добавивший к своему имени – Гирей (с тех пор все

крымские ханы стали зваться Гиреями). Этот Ази-Гирей привёл под свою руку все земли по берегу Чёрного моря и в Крыму и стал основателем Крымской Орды. Он же окончательно сокрушил Волжскую Орду, способствуя нашему избавлению от ига.

При Менгли-Гирее Крымская Орда ещё более усилилась, так что Иван III и его сын Василий III старались поддерживать дружеские отношения с Крымом. Характерно, что, отправляя своих послов в Москву, Менгли-Гирей пенял в повелительном тоне Василию III, дескать, отец твой присылал богатые подарки (портище соболье, да 2000 белки, да 300 горностаев...), а от тебя нет такой чести. Мало того, наказывал прислать ведёрную серебряную чашу с черпаком, какую дарил ему Иван III.

Как видим, подарки не были напрасными.

¹² В летописях имеются сведения о возникновении этого города, но Н. Карамзин считает их сказками, сочинёнными в XVII веке, однако и сказки рождаются не на пустом месте: какая-то доля правды в этих сочинениях имеется. В них сказано, что от правнука Иафетова Скита произошли пять братьев и князей именем Словен, Рус, Болгар, Коман, Истер, которые жили на берегах Чёрного моря до 3099 года от сотворения мира. Словен и Рус покинули родину вместе со своими людьми, ища другого приветного места.

Словен поселился на реке Мутно, построив город Словенск, а реку переименовал, назвав Волховом. Озеру дал имя Ильмер, в честь сестры своей Ильмеры. «Брат Словенов, Рус, основал город Русу и назвал там одну реку Порусьею...»

Словено-русские князья построили ниже по Волхову с версту Новоград, избрали там мудрого старейшину Гостомысла, о чём далее уже повествует «Повесть временных лет» как о начале Руси. При Иване III Русу уже называют Старой Руссой, что сохранилось и по сей день.

В.Н.Татищев вёл происхождение славян от скифов, а те в свою очередь от библейского Иафета, то есть не опровергал легенды апокрифов XVII века.

Современный историк В.Н.Дёмин начинает своё исследование «Тайны русского народа» с исчезновения таинственной Гипербореи, прародины всех индоевропейских народов, находившейся на Крайнем Севере и исчезнувшей в результате какого-то вселенского катаклизма. Говоря о происхождении русских, он считает, что апокрифы XVII века родились не на пустом месте, и приводит в доказательство мнения Геродота, Ломоносова, Тредиаковского и других историков. В частности, он пишет: «Крупнейший русско-украинский историк Николай Иванович Костомаров (1817–1885) в монографии «Северно-русские народоправства во времена удельно-вечевового уклада (История Новгорода, Пскова и Вятки)» ссылается на хронографы XVI и XVII веков, где записана уже упоминавшаяся легенда о начале Русской земли. Здесь рассказывается о потомках Яфета (Япета) Скифе и Зар-дане, переселившихся на юг в Причерноморье; в свою очередь их потомки Словен и Рус вернулись в места прежнего проживания своих предков на Севере».

¹³ У Василия Тёмного было два сына Юрия (Георгия): первый умер рано (в 1441 году), второй был погодком Ивана III, то есть всего на год младше его: эти двое отроков спаслись при аресте отца в Троицком монастыре и укрылись у князя Ряполовского в Муроме.

□

Юрий Серафимович БОРОДКИН

родился в 1937 г. в Нижнем Новгороде.

Окончил Литературный институт.

Автор книг прозы:

«Ветры над яром» (1966), «Рябиновые бусы» (1968),

«Запретная любовь» (1971), «Каменная грива» (1972),

«Ночлег в Журавлихе» (1973), «Санькино лето» (1976), «Запах вербы» (1986),

«Земля заветная» (1987), «Поклонись роднику» (1989) и мн. др.

Его роман «Кологривский волок»

отмечен первой премией ВЦСПС и Союза писателей СССР.

Более двадцати лет возглавлял

Ярославскую областную писательскую организацию.

Дважды выходили его «Избранные произведения».

Избран членом Высшего творческого совета Союза писателей России.

Живёт в Ярославле.

